

последнего о переходе всех кабаков в казну, об отмене откупов до XVIII в. не выполнялись: и бояре, и дворяне, и высшее духовенство продолжали держать кабаки, давая их на откуп своим людям. Сами они, как мы знаем по отзывам иностранцев, пили много, но пили главным образом дома и в гостях, сохраняя право держать дома вино постоянно. Не в этой среде, конечно, следует искать автора «службы кабаку»: он, как мы видели, рисует именно кабацкое пьянство с теми деталями кабацкого быта, которые сложились после запрещения широким слоям населения свободного курения вина. Крестьяне, посадские люди, мелкое служилое сословие, младшее духовенство — словом податные сословия — вот постоянные посетители того кабака, который рисует наш автор. Мы обратили выше внимание читателя на то, с каким особенным вниманием и знанием дела он изображает пьянство духовенства: в кабак несут «поп и дьякон — скуфы и шапки, однорядки и служебники; черницы — манаты, рясы, клобуки и свитки и вся вещи келейные; дьячки — книги и переводы и чернилы и всякое платье и бумажники.... пономари — воск и свечи....»; идут в ход «сорокоустные деньги»; пьяные попы «помышляют, коего бы мертвеца с зубов одрать», как бы «у мужиков во братчинах напиться», и наконец — «от попаден жюрбы» убежать. Все это такие подробности, которые наводят на мысль, не из низшего ли духовенства вышел автор «службы кабаку». Он, несомненно, видел близко «священником помрачение, иноком посмех и поругание», происходящие на кабаке. В его осуждении слышен голос сочувствия, а не назидания издали, свысока. Может быть, он и сам был из этих жалких «питухов», во славу казны и целовальника доходивших на кабаке до «великой стоноты». Но вряд ли он был из мирян — против этого говорит та форма, какую он выбрал для своего памфлета. Анализом ее мы и займемся, прежде чем решить окончательно вопрос, кто же был наш автор.

«Служба кабаку», пародирующая церковную службу, обнаруживает в авторе человека, с одной стороны, с незаурядным умением овладеть литературной формой, с другой, — с основательным знанием того материала, который он использовал в качестве своего оригинала. Дать пародию на отдельную, хорошо знакомую в ту пору каждому грамотному человеку молитву было нетрудно. Обученный чтению по Часослову, усердно посещающий церковные службы и домашние моления, всякий «книжный» человек в Московской Руси в XVII в. мог справиться с несложной задачей — облечь в церковную форму какой-либо житейский сюжет. Но выдержать конструкцию целой службы, уловить стиль отдельных типов